

АСТАНА

МНОС

Текст: Айгуль КЕМЕЛБАЕВА

ВЕСЬ В КЛИКАХ ЖУРАВЛЕЙ

Мое детство прошло в застойные советские годы очень далеко от города, и аульный клуб был единственным местом встречи с Прекрасным и Мечтой. Чуть ли не каждый день там показывали новые фильмы, и я стала настоящим завсегдатаем кино, в отличие от других детей, у меня возникала особая привилегия: они платили 10 копеек за каждый просмотр фильма, а я ходила в клуб бесплатно, так как мой родной дядя был киномехаником. Его звали Женис, это имя в переводе с казахского обозначает «победа», и он действительно родился в 1945 году.

Фильмы были разные и отовсюду – советские из союзных республик, индийские, детские, приключенческие и про Великую Отечественную войну.

Из фильмов о войне я часто вспоминаю «Летят журавли» Григория Чухрая. Эта кинолента прославилась на весь мир юными героями, молодость которых выпала на годы войны, и они были обречены на верную гибель. Война почти уничтожила то поколение. Печально-влюбленные глаза всех молодых вдов и вечных невест отразила актриса Татьяна Самойлова, сыгравшая одну из главных ролей.

Особенно запомнились мне душераздирающие песни о войне. И среди них особняком стоит песня «Журавли» Яна Френкеля в великолепном исполнении Марка Бернеса. От имени автора текста этой песни, известного поэта Расула Гамзатова мне, тогда еще девочке школьных лет, всегда веяло теплотой и родственностью. Я подсознательно считала Расула Гамзатова близким человеком благодаря мусульманскому звучанию имени. Расул – одно из имен нашего пророка Мухаммеда, и казахских сыновей тоже нередко называют Расулом.

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Перевод на русский язык слов песни «Журавли» был осуществлен Наумом Гребневым и опубликован в 1968 году в престижном журнале «Новый мир».

Как известно, в начале первые строки выглядели чуть иначе:

Мне кажется порою, что джигиты,
С кровавых не пришедшие полей,
В могилах братских не были зарыты,
А превратились в белых журавлей...

Поэт сразу начинает с высоты, и его скорбный взгляд устремлен в вечность. Он оторван от земли, а небеса завораживают его особым сиянием, чуть ли не магическим, божественным откровением. Здесь поэт подобен пророку, чьи уста глаголят нам непостижимую истину бытия. Поэтому с первых же строк читатель эту исповедь высокой души воспринимает также скорбно, покорно, божественно.

Тут невольно вспоминается зарождение на заре классической литературы жанра трагедии. Этот самый поэтический и высочайший жанр искусства предполагал катарсис, то есть очищение души через страдания. Расула Гамзатова, поэта из далекого высокогорного аула солнечного Дагестана, можно поставить в ряд античных авторов, таких, как Эсхил, Эврипид, Софокл, Гомер. «Высокий муж» – так говорили про них с древности. Золотым мостом и связующим звеном антики и нового времени был Иоганн Вольфганг Гете, величайший поэт, внедривший понятия «высокий поэт» и «всемирная литература». И с тех пор у земных народов не часто рождались Имена, достойные этого звания. Расул Гамзатов, по воле Всевышнего, стал одним из них.

Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?

Земля и небо. Человек ходит по земле, совершает обычные рутинные деяния, но всегда в душе надеется на чудо, глядя в небеса и думая о сокровенном, космическом и вечном. Его душа тоскует по небесам, хотя он не знает, что скрывается там, за облаками. Возможно, человек изначально устроен таким из-за смертной природы своей. В народных песнях тонко и образно раскрываются эти извечные стремления человека к небесам, вечные противостояния жизни и смерти.

Сегодня предвечернею порою
Я вижу, как в тумане журавли
Летят своим определенным строем,
Как по земле людьми они брели.

Это строки из другого стихотворения поэта. Журавли для него стали священными понятиями. Они – предвестники уходящей жизни.

Отлет перелетных птиц происходит в круговороте вечных природных движений из-за земных притяжений. Отлет журавлей идеально реализуется в чисто геометрических соотношениях, в форме клина, на великолепном фоне небесных

куполов. На белом свете все явления имеют математическую точность и соразмерность, и это всегда происходит по законам красоты мироздания.

У Сергея Есенина в стихотворении «Ночь и поле, и крик петухов» – «тоска», «печаль» – слова, почти синонимы. В поэзии обычно эти понятия странным образом перекликаются именно с журавлями. Осенний отлет журавлей вызывает в душе русского поэта острую боль:

Вот она, невеселая рябь
С журавлиной тоской сентября!

Клином летают эти красивые птицы. Как караваны на небе, завораживают взгляды людей. И недаром из перелетных птиц лишь журавли в душах ранимых, неврастенических, одаренных людей порождают особенные неоднозначные чувства измерения, невыразимую боль одиночества и невыносимую утрату всего прекрасного на земле: молодости, красоты и любви. Это и есть настоящий сплин, депрессия.

Тему сплина, уязвимости человеческого сознания глубоко, метафорически-детально раскрывает рассказ-миниатюра Ивана Бунина «Журавли». Журавли – символ преходящего времени в быстротечной человеческой жизни и невосполнимой утраты в пространстве миров.

«Тут уж я гоню к нему и, приближаясь, вижу: лошадь стоит на дороге и тяжело носит боками, сургучные вожжи висят по оглоблям, а сам седок лежит на дороге возле, лицом книзу, раскинув полы поддевки.

– Барин! – дико кричит он в землю. – Барин! И отчаянно взмахивает руками:

– Ах, грустно-о! Ах, улетели журавли, барин!

И, мотая головой, захлебывается пьяными слезами», – эта поздняя бунинская проза в эмиграции поражает читателя поэтической мощью и неуловимой трагичностью происходящего, постижением непостижимого земного счастья. Казалось бы, что в этом такого, что улетели журавли?!

И.А. Бунин, завершающий своим творчеством русскую классическую литературу, живя вдали от родины, хандрит по ней до самой смерти, и поэтому плач по журавлям ассоциируется у него с собственной тоской великого писателя. В очень коротких рассказах, трех шедеврах – «Красавица», «Старуха» и «Журавли» – он воссоздает удивительно верно, иными образными средствами этот плач по жизни.

По истории русской литературы известно, что особенно осеннюю пору любили и игриво перенесли лишь немногие поэты, один из них – А.С. Пушкин в «Осени»:

Унылая пора! очей очарованье!

Приятна мне твоя прощальная краса.

Почти все поэты остро чувствовали некое воздействие осени на психологическое состояние обычного человека, а утонченной натуры – влияние осенней поры было вдвойне

заметно. Афанасий Фет в стихотворении «Тополь» пишет:

Пускай мрачней, мрачнее дни за днями
И осени тлетворный веет дух.

Молодой Есенин эту тлетворность бытия воспевал с трагической стойкостью:

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть.

Расул Гамзатов в «Журавлях» так высоко чтит память не только своего родного народа, но и всего людского рода. Это небесный гимн всем павшим воинам всех времен и народов на земле. Он наполнен чувством, похожим на есенинское благословение, которое преобразует стихотворение в величественно-духовное.

Они летят, свершают путь свой длинный
И выкликают чьи-то имена.
Не потому ли с кличем журавлиным
От века речь аварская сходна?

Расул Гамзатов, как он себя называет, «Горец, верный Дагестану» («Звезды») находит в журавлиных курлыкнях сходство с родной речью, отзвуки аварского языка. Таким образом, он запечатлел очень кстати здесь имя своего народа «авар». Как известно, в древности упоминание поэтом собственного имени своего рода авторским правом в конце произведения называли сфрагидой. Сфрагида на греческом языке обозначает «печать». Печать – символ власти. В искусстве – печать, по-современному – бренд, подразумевающий самобытность и уникальность творения. «Владелец дум» – так оценивал и называл себя А.С. Пушкин. И это печать!

В этой философской лирике аварский поэт воспевает нравственную силу родной земли и горных вершин Дагестана. Разве надо большего истинному поэту, чем постижение истины и воплощение красоты духовной? Разве не в этом самом заключается высокая цель искусства?!

Птицекрылый караван,
Ты летишь из дальних стран?
Караван поет, курлычет:
«Даге-Даге-Дагестан...».

Возвращаясь к небесному простору в стихотворении «Птицекрылый караван» (перевод Ю. Мориц), Расул Гамзатов произносит названия любимой страны четко и ясно.

Клин журавлиный летит над землей,
Вечной землей моего Дагестана.

Весною шлют они привет
Цветам полей, лесов.
И ничего печальней нет,
Чем их осенний зов.

(«Журавли. У них всего две песни есть...», 1967. Перевод Л. Дымовой). «Мне сердце проторяет / Тропинку в Дагестан, в родной аул, / И песни гор, как эхо, повторяет», – пишет сам поэт, в душе которого образ журавлей никогда не стирается. И он снова и снова возвращается к излюбленной теме и, как ребенок, любит самозабвенно. Кстати, он и в книге «Мой Дагестан» отмечает: «Но разве душа поэта не схожа с душой ребенка?».

Журавли – вечный символ круговорота в природе. У древних греков культ умирающих и воскрешающих богов вызывали природные метаморфозы.

Звуки, издающие журавлями, на казахский слух воспринимаются, как «курау-курау», и в старину казахско-кочевники лошадиный табун окликали таким же звуком: «курау-курау».

«Тянулись в небе журавли, пронзительно курлыккая, ведь когда-то они учили древнего казаха, пастуха верблюдов, водить караван». Так описала я мировоззрение своего кочевого народа в первом своем рассказе «Конырказ». Именно с этим рассказом я поступила на семинар прозы в 1989 году в Московский Литературный институт имени М. Горького. Позже известный писатель Андрей Георгиевич Битов, который как мой руководитель вел семинар прозы на нашем курсе, определил жанр рассказа магическим реализмом.

Летит, летит по небу клин усталый –
Мои друзья былые и родня.
И в их строю есть промежуток малый –
Быть может, это место для меня!

На протяжении всего стихотворения Расул Гамзатов не сходит с небесной высоты. Казалось бы, что земная долина в этот миг поэтического откровения кажется ему тесной.

Люди, люди – высокие звезды,
Долететь бы мне до вас.

Так писал он в своем четверостишии, подобно Омару Хайяму, и здесь опять четко виден мотив космической дали, божественного простора. Но человек рождается и умирает, и так будет вечно продолжаться. Смерть – это постижение божественного порядка и истины. И поэт смирился с этим смыслом жизни. Поэтому голос его не теряет нравственную мощь:

Настанет день, и с журавлиной стаей
Я полечу в такой же сизой мгле,

Из-под небес по-птичьи оклика
Всех вас, кого оставил на земле.

Рефрен, мотив сей повторяется как святой стих в священной книге мусульман: «И эти песни журавлей / Везде, в любом краю, / Как песню о судьбе своей, / И я теперь пою».

Я путник, похожий на вас, —
Вот только без крыльев мятежных.

С античных времен поэты метафизически связаны больше с журавлями и лебедями. Они при смерти поют свою лебединую песню. По преданию, Ивиковы журавли — свидетели убийства певца Ивика и поневоле мстители его, так как внезапное появление на небесах этих птиц вызвало в одном из убийце этот возглас, разоблачивший виновных. А потом поэты не забыли воспользоваться этим образом:

Парений, слышишь?
Крик вдали,
То Ивиковы журавли.

С немецкого «Ивиковы журавли» на русский язык перевел В.А. Жуковский.

Меткие слова, крылатые выражения поистине образно украшают человеческую речь, они буквально врезаются небесной метафорой в нашу древнюю память, иррационально избравшей необычную красоту.

Еще с античных времен в обиход вошло выражение-оксюморон «белая ворона». Его ввел римский поэт Ювенал:

«...Рок дает царства рабам, доставляет пленным триумфы.
Впрочем, счастливцев такой реже белой вороны бывает...».

Я — белый ворон в вашей стае,
Хоть черен весь до синевы.
Но я пытаюсь, я летаю,
А не кружусь среди молвы.
А что молва? Вороной белой
Клеймит, не ведая того,
Что лишь тогда свободно тело,
Когда душе твоей легко...

Так философски пишет современный казахский поэт Бахыт Каирбеков в фрагментах дневника «Части целого».

Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки! Это известная простонародная мудрость.

Иногда в наш странный век, век прагматизма и отсутствия духовности все истинно творческие люди являются в действительности белыми воронами, журавлями-символами, лебедями, чьи последние прощальные песни необычны. Но если искусство будет служить человечеству вечно, то вам от них никогда не уйти!

Лейтмотив стихотворения Расула Гамзатова — тема жизни и смерти, философского размышления о предначертанной заранее судьбе человека в целом. Белый свет мил, жизнь прекрасна, но и смерть красна своей вечной загадкой. Высокая печаль в стихотворении вызывает нечто пафосное, неиссякаемую любовь ко всему живому. Вот что содержит стихотворение «Журавли» Расула Гамзатова, обессмертившее имя поэта!

Мы всегда трепетно относимся ко всем великим поэтам — божественному племени. И оттого поэзия бессмертна!